

Николя Воскресная

г. Владивосток

Сигналы луны на моих радарх:
шипением отравленные голоса.
А я по-прежнему репетирую соло ударов,
забываю сохранять номера.

Меня тошнит от жизненного опыта,
нервная система то и дело проверяет
коннект.
Реальность – отвращение, приумноженное
птичьим клёкотом,
приукрашенное образами из кинолент.

Откровенный кадр, на котором музыка
выброшена.

Неприглядность всего во Вселенной,
непригодность, что так возвышена.
Откажись от игры, откажись от нетленной.

Звук наружу жабрами всхрипывает,
и разграблено происходящее.
Я однажды стала тобой, с тех пор
поскрипывает,
там внутри струна низводящая,
приводящая

мир в движение, с обстоятельствами все
иначе.
Выбери из всех живых существ самое
красивое

и смотри, как оно заплачет,
как принесённая в жертву музыка, даже
такая спесивая.

Шум телевизора – отзвук большого взрыва.
Уходящим трамваем поскрипывает чей-то
голос.
Священнодействие разума так постыло.
Пустые амбиции уходят, как опоздавший
поезд.

Цвет недоступен, монохром.
Притворяться, что греет свет.
Заклинания на потом.
Море снега и море-снег.

Обозначься пунктиром камней,
убегающих до воды,
по застывшей соли морей,
где искать мне твои следы.

Пианино расстроено, ржавый трамвай,
телефонная будка пуста,
замолкает гудок, телефон устал,
проводник из ничто в никуда.

Зажигалкой чиркаешь, не горит.
Пиши все, что думаешь.
Все слова уместились на медный кулон
для молитв,
лучше разве для них придумаешь?

Засыхают цветы и окурок дымит...
Где мне взять настоящей поэзии?
Чашка с чайкой отколота, жуткий вид
и такое бывает болезненно.

Кремний выдохся, ветки, фонарь,
я избита, как эти слова.
Если кровь, не кровь – киноварь,
не сгорит ничего... никогда...

Яблоко слаще, чем грех первородства,
трепетнее вожделения,
красота притягивает
демонов или уродцев
и ей не будет прощения...
Какое святое сиротство,
оно ли не наваждение.
Как проклятое господство,
наказанное отвращеньем.
Никто не заметит сходства
таланта с петлей и мишенью...

Чернь и золото, слово – свинец,
не самый лучший ритуал на любовь.
С упорством глухонемого не знать
про конец,
не услышать криков умирающего всего.
В тень стены гонят волки разума, я их гонец,
у меня есть тело и больше нет ничего.
Если город – храм, его центр – венец.
Белый лист, перепачканный словом
«добро»,
как послание в мрачный дворец,
я тайком пронесу под своим ребром.
Мой преступный порыв – оживший мертвец,
собирающий бесполезное серебро.
Даже если ты самый искусный лжец,
то поверь, это все ещё не волшебство.

Левая рука – пятилетний ребенок,
не умеет писать, еле держит ложку.
Разлученный с матерью олененок
в волчьей шкуре пообвыкнется
понемножку.

Тьма не исчезает от упоминания светильника,
но светильник погаснет и станет тьмой.
Ясноглазые будут страшнее могильника,
с возведённым бетонным куполом
над головой.

Серое небо не украшает ни одного города,
как бездушное благоденствие.
Среди полосатого газетного вороха
чья-то душа похожая на младенца.

В три часа ночи мозг пытался до кого-то
дозвониться,
посылал гудки...
Линия была перегружена,
автоответчик больше не диктовал стихи.

Лампочками АТС светили звезды.
Оператор никак не мог соединить.
Ночь безвылазна, ночь промозгла,
поперёк и вдоль невозможно прожить.

Абонент доступен, но не для всех.
Голова – телефонная будка, переговорный
пункт.
Наберите хотя бы телеграфный текст,
без предлогов и точек: «проведи меня даже
сквозь бунт».

Мир разрушен, потому что в нем
появилась ты, до тебя он таким не был...

Созвездия: шрифт Брайля,
слепая бездна внутри меня.
Сообщение было отравлено.
Глухонемая плоть бытия,

ее контуры размываются.
Мышьяком заедаю вздор,
осязаемое разрушается
из-за твоего рождения, с тех самых пор.

Ярко-красное

Черно-белые все вокруг,
ярко-красная я.
Я роняю слова из рук
в свинцовую грязь бытия.
Темно-серый улыбчивый друг,
это ты или тень моя?
Улыбайся, и бог Мардук,
чем-нибудь наградит тебя.
Для катрена найти бы звук...
Вавилон бессмертен, а ты, змея?